

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

ОКОПНАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

О ЧЕМ
ПРИНЯТО
МОЛЧАТЬ

О.С. Смыслов

Великие тайны истории. XX век

Олег Смыслов

**Окопная правда войны.
О чем принято молчать**

«ВЕЧЕ»

2015

Смыслов О. С.

Окопная правда войны. О чем принято молчать /

О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ», 2015 — (Великие тайны истории. XX век)

ISBN 978-5-4444-8919-2

«Война – это живая, человеческая поступь навстречу врагу, навстречу смерти, навстречу вечности. Это человеческая кровь на снегу... Это брошенные до весны солдатские трупы... Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходит вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия... на передовой, под градом осколков и пуль. Война – это как раз то, о чем не говорят, потому что не знают...» Эти слова участника тяжелейших боев на Калининском фронте в 1941–1943 гг. гвардии капитана А. Шумилина могут стать эпиграфом к книге О. Смылова, рассказывающей о той правде прошедшей войны, о которой и до сих пор молчат историки, журналисты и писатели. Книга выходила ранее в другой серии.

ISBN 978-5-4444-8919-2

© Смыслов О. С., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

От автора	6
1. Брестская крепость, Аджимушкайские каменоломни и заградотряды (О беспримерном героизме, трусости и борьбе с ней)	8
2. Пехотинцы-окопники (Навстречу смерти)	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Олег Сергеевич Смыслов

Окопная правда войны.

О чем принято молчать

© Смыслов О.С., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Светлой памяти Сергея Ивановича Смылова, геройски погибшего
1 декабря 1942 года, и всем солдатам-окопникам, павшим и живым,
посвящается...*

От автора

Правда – истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость.

В. Даль

Окоп – фортификационное сооружение открытого типа для ведения огня и защиты личного состава и военной техники от средств поражения.

Военный энциклопедический словарь, 1983 г.

Через несколько лет мы будем торжественно отмечать очередной юбилей Победы в Великой Отечественной войне. Но война еще не ушла с нашей земли.

Очень часто бывая на Смоленщине, мне приходилось видеть обвалившиеся, обмелевшие и заросшие травой окопы, ржавые гильзы и ржавые пробитые каски. Груда металла, борта пулторок, резина и множество предметов военного снаряжения до сих пор разбросаны по лесам и в воде, в местах отступлений, переправ и кровопролитных сражений. Но самое главное это кости и черепа солдат, которые каждый год находят, и не только поисковые отряды.

Я пишу об этом с болью в душе как внук солдата-окопника, как сын ветерана Вооруженных Сил СССР, как офицер.

Мы, живущие в стране, победившей фашизм, до сих пор не похоронили с почестями своего последнего солдата, потому что и в XXI веке не знаем точное число погибших.

Мы до сих пор не наградили всех тех, кто кровью и потом заслужил свои медали и ордена в годы войны, потому что не всех еще разыскали. Да и разыщем ли?

Между тем каждый год от нас уходят ветераны. Почти не осталось окопников. А сколько их встретит следующий юбилей? Мы не знаем.

«Окопная правда» в литературе пришла к нам от плеяды молодых писателей фронтового поколения. Свою правду войны они противопоставили лакированным произведениям обласканных властью писателей. За что их клеймили. Однако, несмотря ни на что, они смогли донести до миллионов правду из окопа. Они доказали своими произведениями, что и там есть правда, которую нужно разглядеть. Собственно, война начинается с окопа, с передовой, с «передка». Там жили и умирали солдаты: восемнадцатилетние, тридцатилетние, сорокалетние. И еще моложе, и еще старше...

Однажды писатель Константин Симонов, выступая на конференции, сказал: «Никто не имеет права сказать, что знает войну досконально. Войну в целом знает народ, и народ надо расспрашивать о ней».

Не одно десятилетие и я расспрашивал народ о войне, работал в архивах, посещал библиотеки, много читал и записывал. И вот наконец решился донести до читателя накопленную мной «окопную правду» солдат, офицеров, генералов и маршалов Великой Отечественной войны. Но прежде в жанре литературной мозаики я попытался посмотреть изнутри на 22 июня 1941 г. и катастрофу Западного фронта. С чего, собственно, и начиналась наша Великая Победа над НАШЕСТВИЕМ Германии. Именно таким необычным словом назвал вторжение германских войск на территорию Советского Союза русский писатель Борис Васильев. В статье «Последний парад», опубликованной им в «Новой газете» в юбилейном 2005 г., он писал: «Потому что было НАШЕСТВИЕ, какого Россия не знала со времен зачатия своего. По сравнению с ним татаро-монгольское вторжение оказалось всего лишь набегом. Татары не трогали церквей и монастырей, и победитель немецких рыцарей на льду Чудского озера Александр Невский быстро уговорил их принять Россию в Орду на правах вассального государства.

Всякое историческое событие имеет свою отдачу. Мы испытали потрясение, которое сотрясает нас до сей поры».

И каждый раз, ступая на целину истории Великой Отечественной войны, мы только приближаемся к истине, разрушая мифы и разоблачая ложь, создаваемые «для нашего же блага» десятилетиями. Но история – наука точная. И мы, потомки Победителей, не имеем права забывать об этом. Ведь память – это участие. Участие не в переписывании истории, а в воссоздании ее на фактах «окопной правды».

1. Брестская крепость, Аджимушкайские каменоломни и заградотряды (О беспримерном героизме, трусости и борьбе с ней)

Случайно или закономерно, но первый величайший подвиг в Великой Отечественной войне совершили бойцы и командиры именно Брестской крепости.

22 июня 1941 г., буквально через четыре минуты после начала артподготовки с той стороны, штурмовой отряд немцев в составе пехотной роты и саперов на 9 резиновых моторных лодках приступил к выполнению поставленной задачи по захвату мостов. А еще через 11 минут вторая пехотная рота противника с саперами взяла железнодорожный мост через Буг. Всего же немцам понадобилось 45 минут, чтобы с о громадными потерями захватить два моста, соединяющие Западный (Пограничный) и Южный (Госпитальный) острова с центральной частью Брестской крепости – Цитаделью. При этом, повторяю, их потери были огромными...

Всего же на взятие крепости военачальники Гитлера планировали не более восьми часов. Но неожиданное ожесточенное сопротивление и огромные потери сорвали эти планы.

22 июня в 4 часа утра немцы открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь по казармам и по выходам из казарм, по мостам и входным воротам крепости. Прицельно били они и по домам начсостава. Цель самая что ни на есть обыкновенная: вызвать замешательство среди бойцов и командиров и уничтожить их.

В результате командиры не могли попасть в казармы, а бойцы в одиночку и группами, чаще всего раздетыми, самостоятельно выходили из крепости.

Как сообщалось в одном из кратких боевых отчетов: «В результате личный состав 6-й и 42-й дивизий, а также других частей остался в крепости в качестве ее гарнизона не потому, что ему были поставлены задачи по обороне крепости, а потому, что из нее невозможно было выйти».

Русский писатель Борис Васильев впервые попал в крепость летом 1961 г. «Ничего еще не было построено, подправлено, отретушировано: глубокая, торжественная и, как мне показалась, гордая тишина стояла в крепости, и только осколки, которыми была усеяна вся земля, хрустели под нашими ногами», – вспоминает он.

Далее Борис Львович пишет: «Мы попали в крепость через Северные ворота: тогда это был единственный вход в нее. Левее нас оказался тот самый форт (редут), в котором упорно оборонялась последняя организованная группа защитников под командованием майора П.М. Гаврилова, и мы прошли сначала в него и опять попали в тишину, но тишину, грохотавшую очередями, взрывами и выстрелами внутри каждого из нас, и я рассказывал все, что знал, тихо, боясь потревожить этот внутренний грохот. Потом мы перешли к развалинам домов комсостава, постояли там, вспомнив капитана Шабловского и его жену Галину, перешли по мосту Мухавец и оказались на территории Цитадели. Трехарочные ворота были взорваны еще в 1954 г., когда в крепости еще стоял наш гарнизон, распоряжением какого-то безродного в полном смысле этого слова начальника, слева располагалось здание, где совсем недавно разместились музей, но мы пошли прямо. Мы осмотрели разбитую церковь, за обладание которой отдали жизнь сотни наших бойцов, оттуда прошли в руины казарм 333-го полка. Почти у каждого окна сохранившегося подвала с потолка свисали сталактиты расплавленного кирпича – следы огнеметных обстрелов: здесь скрывались уцелевшие женщины и дети, отсюда они вышли сдаваться, когда не осталось ни еды, ни перевязочного материала, а за котелок воды из Мухавца приходилось расплачиваться жизнью. Здесь командовал бесстрашный старший лейтенант Потапов, здесь же воевал и Гаврош Брестской крепости 15-летний Петя Клыпа. Затем через развалины Тереспольских ворот вышли на берег Буга, вдоль Кольцевой казармы, иссе-

ченной осколками, дошли до Холмских ворот, до места расстрела комиссара Ефима Фомина, и уже оттуда вернулись в музей».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Проект крепости на Буге, разработанный военными инженерами Опперманом, Малецким и Фельдманом был утвержден в 1833 г. Однако впервые предложение о строительстве оборонительных укреплений у слияния рек Буга и Мухавца возникло задолго до Отечественной войны 1812 г. А в ходе нее подтвердилась и целесообразность строительства крепости. Она была торжественно заложена 1 июня 1836 г., а построена в 1842 г., то есть через шесть лет.

Брестская крепость имела площадь около 4 квадратных километров. Ее мощную основу составила Цитадель, расположенная на острове, омываемом с юго-запада Бугом, с юго-востока Мухавцом, а с севера ее рукавом. Опоясанная сплошной кирпичной двухэтажной казармой и в то же время оборонительной стеной длиной в 1800 метров, крепость насчитывала 500 казематов с подвалами и сетью подземных ходов и была способна разместить до 12 тысяч человек своего гарнизона, защищенных двухметровыми стенами.

Русла двух рек прикрывали Цитадель рвами, заполненными водой. Но основой ее прикрытия стал земляной оборонительный вал, тянувшийся более чем на шесть километров с высотой в десять метров по внешней окружности. Кольцо бастионов и других крепостных сооружений прикрывало крепость с внешней стороны. Брестские и Холмские ворота туннелями выводили из цитадели к мостам через Мухавец и далее на бастионы крепости, а Тереспольские находились против моста через основное русло Буга. Всего же четверо ворот вели к предместным укреплениям

В 1864 г. крепость усиливают, а в 1878 г. вокруг нее сооружается оборонительный пояс с 9-ю фортами в нескольких километрах от кольца бастионов. Форты (отдельные железобетонные сооружения) должны были не просто сдерживать противника, но и не допускать ведение по крепости артиллерийского огня.

В самой крепости находились: Белый дворец, Комендантский дом, крепостная церковь, Арсенал и Инженерное управление.

На рубеже XIX–XX веков Брест стал крепостью первого класса и главным форпостом России на западной границе.

В конце августа 1915 г. при отступлении русской армии Брестская крепость была оставлена без боя, а ее некоторые оборонительные сооружения взорваны. В том числе и большинство фортов.

В период Гражданской войны и в начале Второй мировой войны отдельные участки крепости также подвергались разрушению. Частично пострадали здания Белого дворца и Инженерного управления. С 1920 г. по 1939 г. в крепости размещались войска Польской армии. При них-то и были значительно восстановлены казарменный фонд крепости и часть фортов.

Более того, они построили дополнительно несколько казарм для солдат и жилые дома для офицеров.

В сущности, когда Красная Армия вошла в Западную Белоруссию, Брестская крепость перестала быть крепостью. Более или менее поддерживались казармы, все служебные и жилые помещения, склады и арсенал. «Это привело к тому, – пишет Борис Васильев, – что земляные валы крепости осели, заросли деревьями и кустарниками, многие рвы обмелели и заболотились. Никаких оборонительных сооружений в ней уже не строилось».

Генерал-полковник Л.М. Сандалов вспоминал: «Осмотр крепости оставил у нас не очень отрадное впечатление. Кольцевая стена цитадели и наружный крепостной вал, опоясанный водными преградами, в случае войны создавали для размещавшихся там войск чрезвычайно опасное положение. Ведь на оборону самой крепости по окружному плану предназначался лишь

один стрелковый батальон с дивизионом. Остальной гарнизон должен был быстро покинуть крепость и занять подготовляемые позиции вдоль границы в полосе армии. Но пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. Чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось по меньшей мере три часа...» Тем не менее к началу войны в Бресте скопилось огромное количество войск, не считая госпиталя. Вследствие чего для размещения личного состава были приспособлены часть складских помещений, а также восстановлены некоторые форты крепости. На нижних этажах казарм даже устраивались нары в четыре яруса, что достаточно четко подчеркивает плотность размещения...

Тереспольские ворота. Именно здесь, где дни и ночи сражались пограничники 9-й погранзаставы, 3-й комендатуры Брестского погранотряда и бойцы 333-го стрелкового полка, была найдена надпись: «Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22.VI.1941 г. – 3.15.

Умрем, но не уйдем!»

Там же на куске штукатурки чем-то острым было написано: «1941 год. 26-го июня. Нас было трое. Нам трудно, но мы не пали духом. И умираем как герои».

На штукатурке здания костела, что в центре крепости, другие ее защитники и герои написали: «Нас было трое москвичей – Иванов, Степанчиков, Жунтяев, которые обороняли эту церковь, и мы дали клятву – не уйдем отсюда. 1941 год. Июль».

Но ниже была еще запись: «Я остался один, Жунтяев и Степанчиков погибли. Немцы в самой церкви. Осталась последняя граната, но живым не дамся.

Товарищи, отомстите за нас. 1941 г.».

Но не только сами герои оставляли памятные надписи перед своей смертью, тем самым опровергая на века какие-либо сомнения в их мужестве и стойкости в те страшные первые дни войны. Главный диверсант Гитлера – Отто Скорцени, принимавший участие в штурме советской крепости, был совершенно искренен, когда признавался в очевидном: «Мы захватили все внешние оборонительные сооружения, но мне приходилось пробираться ползком, ибо вражеские снайперы били без промаха. Русские отвергли все предложения о капитуляции и прекращении бесполезного сопротивления. Несколько попыток подкрасться к крепости и завладеть ею штурмом закончились неудачей. Мертвые солдаты в серо-зеленых мундирах, усеявших пространство перед крепостью, были красноречивым тому свидетельством. Русские сражались до последней минуты и до последнего человека».

Л.М. Сандалов

В течение только 22 июня германская 45-я пехотная дивизия при штурме крепости потеряла лишь убитыми более 300 человек. Эти потери впервые для нее оказались небывальными. До 30 июня немцы потеряли 482 человека убитыми и свыше тысячи ранеными. В сравнении с общими потерями германской армии на Восточном фронте на этот день (8886), вклад защитников Брестской крепости составил более 5 процентов.

В этот же день немцы заявили о полном взятии крепости. Но сопротивление советских бойцов и командиров продолжалось там еще очень долго.

В районе Трехарочных ворот оборону возглавил капитан Зубачев, в северной и северо-восточной частях Цитадели – лейтенант Виноградов; у Тереспольских ворот – старший лейтенант Потапов, на Кобринском укреплении – майор Гаврилов.

«Организованные группы вели активную оборону, – пишет Б. Васильев. – Не хватало оружия и боеприпасов, практически не было еды, защитники очень страдали от жажды, а ту воду, что удавалось с огромным риском добывать, отдавали пулеметам, детям и раненым. Стояла жара, в Цитадели разлагались тысячи трупов, от смрада многие теряли сознание. В подвалах прятались женщины и дети. И хотя женщины не только ухаживали за ранеными, но и отважно помогали отбивать атаки, их необходимо было вывести из крепости хотя бы во имя спасения детей. Когда надежда на помощь извне окончательно была утрачена, женщины и дети с белым флагом вышли из подвалов. Немцы не стреляли, и бойцы успели в это время напиться и запастись водой. Следует отметить, что многие из этих женщин через год были расстреляны под Жабинкой».

«Все меньше защитников оставалось в крепости. Тут вместе с ними были дети и женщины, тут же умирали раненые. Кончались патроны. Не было пищи, не было воды. Вода текла от стен в десяти метрах, но добыть ее было нельзя. Смельчаков, ночью рискнувших ползти к берегу с котелками, сейчас же настигали пули. Пробовали рыть в казематах колодцы, на веревках бросали в реку простыни, подтянув назад, выжимали из них в котелок грязную жижу. Из-за гари, пыли и трупного смрада невозможно было дышать. Но как только немецкие автоматчики поднимались, обреченная крепость открывала огонь. Уже пал Минск. 16 июля немцы

вошли в горящий Смоленск, а крепость продолжала бороться. В десятки раз превосходящие силы немцев расчленили оборонявшихся, но не могли их сломить. К бойницам и амбразурам фашисты подвели огнеметы.

Нельзя без содрогания думать о том, что было в подземных казематах. Кирпич от огня и тот плавился и застывал черными сосульками. Крепость истекала кровью, но не сдавалась», – подчеркивал в своей книге В. Песков.

Выцарапанные на стене казармы слова «Умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина! 20/VII-41» стали символом защитников Брестской крепости.

А день 23 июля 1941 г. считается заключительной датой обороны. В этот день без сознания был пленен майор Петр Михайлович Гаврилов. Однако, по утверждению жителей Бреста, «до конца 1941 г. из крепости в военные госпитали города доставляли раненых немецких солдат. Те, кого мобилизовали убирать трупы и оружие, рассказывают, что зимой 1941–1942 гг. они видели перебежавших из развалин в развалины людей в изодранном обмундировании» (Б. Васильев).

Командир 45-й дивизии генерал Шлиппер в очередном боевом донесении подчеркивал: «Наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови. Это простая истина еще раз доказана при взятии Брестской крепости. Русские в Брест-Литовске дрались исключительно настойчиво и упорно, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению».

А ведь крепость не сдалась. Более того, ни одно из знамен воинских частей, сражавшихся в крепости, не досталось немцам.

В феврале 1942 г. 45-я германская пехотная дивизия была разгромлена под Орлом. Тогда же в качестве трофея советские солдаты захватили весь архив этого элитного соединения. А спустя некоторое время выдержки из боевого донесения о взятии Брестской крепости были опубликованы в газете «Красная Звезда».

Именно тогда в Советском Союзе впервые узнали о великом и нравственном подвиге ее героических защитников.

* * *

В мае 1942 г. немецко-румынские войска под командованием генерала от инфантерии Эриха фон Манштейна перешли в наступление в Крыму. Несмотря на двукратное превосходство советских войск, они нанесли главный удар по левому флангу Крымского фронта, где держала оборону 44-я армия. Не менее половины всех сил противника обрушилась на южную оконечность линии фронта, а на северном и центральном участках Манштейном была проведена лишь демонстрация наступления, которое получилось лишь после прорыва южной группировки Крымского фронта.

Уже к вечеру первого дня противнику удалось прорвать советскую оборону на 5 км участке и на глубину до 8 км. Танки моторизованной бригады «Гроддек» сразу же ринулись к Керченскому проливу, где находились переправы, соединяющие Крымский фронт с таманским берегом. Еще до проливного дождя, который пошел 9 мая, немцам удалось отрезать 44-ю армию от тыловых позиций. Решению этой задачи способствовала также высадка шлюпочного десанта, в составе всего лишь батальона, который оперативно поддержал наступление.

11 мая 22-я танковая дивизия достигла северного побережья Керченского полуострова. За ней шла 170-я пехотная дивизия и 8-я кавалерийская бригада румын. Вечером 14 мая немецкие танки появились на западных окраинах Керчи, а 16 мая 170-я пехотная дивизия взяла город.

Перед угрозой окружения всего Крымского фронта и его полного уничтожения советским командованием было принято решение до последней капли крови оборонять рубеж:

берег Азовского моря западнее Юрагина Кута – поселка Аджимушкой и Колонка, чтобы отстоять переправы, через которые на Тамань уходили основные силы фронта. Такая задача была поставлена командующему 51-й армии.

14 мая сводный отряд на этом оборонительном рубеже возглавил бывший командир 138-й горнострелковой дивизии, а с марта 1942 г. – начальник отдела боевой подготовки штаба фронта полковник П.М. Ягунов. В его отряд вошли: резерв командно-политического состава фронта, 1-й Запасной стрелковый полк и подразделения отступающих войск.

Прикрывая отход фронта, отряд Ягунова смог продержаться до 18 мая, когда оборона города, по существу, закончилась.

15 мая сводный отряд был атакован двумя ротами противника при поддержке 16 танков. Село Аджимушкой было потеряно. На следующий день попытка выбить немцев оказалась безуспешной, из-за отсутствия артиллерийской поддержки. Утром 16 мая бойцы и командиры Ягунова сражались в полуокружении. Связь с подразделениями и частями, кроме охранявших подступы в каменоломни, была утеряна. Тогда же утром Ягунов получил приказ: «Отход и эвакуация вашего участка обороны по особому приказу».

«Полковник Ягунов честно выполнил приказ, обороняя поселок Аджимушкой, – рассказывал после войны генерал Д.Г. Козлов. – Он не имел приказа на отход, а на вывод из окружения у него едва ли были силы, так как он не имел ни пушек, ни танков. Связь с Ягуновым была прервана, и восстановить ее не удалось, несмотря на усиленные попытки арьергарда 51-й армии прорваться к окруженным...»

В полночь 21 мая, в помещении, специально оборудованном под штаб, было проведено первое совещание командного и политического состава. Под желтый свет электрической лампы присутствующие командиры (полковник Ягунов, старший батальонный комиссар Парахин, полковник Верушкин, подполковник Бурмин, майор Колесников, майор Пирогов, главврач госпиталя Асеев) решали: выходить ли из окружения, прорываясь на Большую землю или же держаться до прихода своих, превратив каменоломни в неприступную крепость.

Ягунов, обращаясь к командирам, сказал, что войска фронта, по всей видимости, на Таманском полуострове, а, значит, поставленная задача отрядом выполнена. Потом он предложил высказаться остальным. Майор Колесников предложил прорываться. Майор Пирогов тоже предложил выходить из окружения, учитывая, что провианта хватит максимум на 12 дней. За прорыв высказался и военврач Асеев.

Подполковник Бурмин обрисовал ситуацию оптимистичнее всех: «На длительную оборону мы не способны, но, по-видимому, нам и не придется здесь долго оставаться одним. Наши войска снова перейдут в наступление. Им будет необходима помощь, которую мы и окажем. Мы ударим по вражеским тылам, расстроим оборону побережья. А чтобы успешно выполнить эту задачу, надо всех людей, что находятся в катакомбах, – а их, наверное, тысяч восемь или десять, – учесть, разделить по подразделениям и свести в единую боевую часть».

«Необходимо превратить катакомбы в крепость и отсюда, из-под земли, бить врага в спину, пока не придет помощь с Большой земли или пока останутся силы. Это трудно, будут жертвы, но это возможно», – заключил Ягунов.

После сведения всех подразделений и групп в отдельный полк обороны Аджимушкой-ских каменоломен, а также назначения командного и политического состава полка, была готова и перепись всех бойцов и командиров. В нем было учтено до 12 тысяч фамилий. Тем не менее люди все прибывали. В результате полный список составил 15 тысяч человек.

Кроме резерва фронта и 1-го запасного стрелкового полка, в каменоломнях находились бойцы и командиры 77-й и 138-й горнострелковых дивизий, 156, 404 и 398-й стрелковых дивизий, 72-й кавалерийской дивизии, 83-й бригады морской пехоты, части 151-го укрепрайона и других.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Керченские каменоломни. Здесь не одно столетие добывали в Аджимушкае известняк-ракушечник, из которого строился город. Пласты его подходили прямо к поверхности. Весьма удобный камень по легкости, прочности и мягкости можно было резать обычной пилой. В результате многовековой добычи известняка образовались подземные лабиринты огромной протяженности.

«Разветвленные подземные лабиринты с запутанными ходами-штольнями, расположенными иногда в два-три яруса, уходящие в глубину на многие десятки метров подземные галереи тянутся на километры, и несведущий человек безнадежно заблудится во мраке подземного города, – пишут авторы книги “Доблесть бессмертна” Г.Н. Князев и И.С. Проценко. – Черная зловещая бездна – такими каменоломни казались завоевателям всех времен, ступавшим на крымскую землю. Сюда, как в крепость, еще в Средине века уходили непокоренные. (...)

Аджимушкой. В переводе – “горький серый камень” – известняк серого цвета, который вырабатывался в местных каменоломнях...»

До отступления штаб Крымского фронта использовал подземные помещения для размещения тыловых служб, различных складов и баз снабжения. Через широкие входы в каменоломни свободно въезжали грузовые автомашины и конные повозки с оружием, боеприпасами, продовольствием.

Итак, командование подземного гарнизона решило продукты питания растянуть на месяц. Также были определены места складов продовольствия, боеприпасов, госпиталей, медпунктов и места раздачи пищи. Разработали четкий план размещения батальонов, служб и системы обороны, разбив каменоломни на три боевых участка. Организовали посты наблюдения за противником и разведку. Утвердили распорядок дня. Во избежание проникновения вражеских лазутчиков ввели систему пропусков и паролей.

Единственной же огромной проблемой для гарнизона стали несколько тысяч женщин, стариков и детей, укрывшихся в каменоломнях с имуществом и запасами продовольствия к началу обороны. Правда, после первых атак часть мирного населения вышла из каменоломен.

И все же возникает вполне резонный вопрос: как каменоломни, непригодные для ведения боевых действий, с холодными камнями, сыростью и мраком, на долгое время превратились в неприступную крепость? Для современного поколения этот подвиг навсегда останется неразгаданной загадкой. Потому как вряд ли молодые да юные девчонки и мальчишки смогут представить себе все это в самом страшном сне.

Но именно сила духа и непоколебимая воля того поколения смогли победить и жажду, и голод, и холод, и загробную тьму. Ведь именно без таких подвигов, без такого самопожертвования наш народ никогда бы не победил фашизм!

24 мая 1942 г. немцы стали бросать в катакомбы дымовые шашки и гранаты, пустили в катакомбы газ. Это была самая первая многочасовая газовая атака, в ходе которой в адских муках умерли сотни людей.

В ночь на 25 мая они повторили атаку, направив в отдушины и трещины от обвалов шланги, через которые нагнетался газ. Более того, они стали бросать в катакомбы уже не шашки, а баллоны с газами. И если от ядовитого дыма, пахнущего хлором, можно было как-то спастись, то от газа некуда было скрыться. Он не выходил наружу.

В эти мгновения нечеловеческого ада по приказу Ягунова по радию в эфир было передано: «Всем, всем, всем! Мы, защитники Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся! Ягунов».

От газов погибло не менее 5 тысяч человек. Только за один день умерли 824...

С конца мая, весь июнь и часть июля газовые атаки на каменоломни проводились непрерывно. Для этих целей из Берлина в Керчь была направлена специальная команда СС, которая работала в Аджимушкских совместно с 88-м саперным батальоном. Их рабочий день начинался с немецкой пунктуальностью в 10 часов с перерывом на обед и заканчивался в 16.

Один из участников обороны вспоминал: «Для защиты от воздействия газов нами использовались противогазы. У кого не было противогаза, тот делал углубление в полу катакомб, ложился на пол, закрывался плащ-палаткой, опускаясь в это углубление, и дышал. Помогали и горящие костры, у которых газов собиралось меньше. Уходили в глубь катакомб. Туда меньше проникал газ. Основной же мерой защиты от газа стали газозубежища, которые старались расположить в тупиках катакомб, в местах, где меньше надо было делать работ по кладке стен. Стены эти возводили из камня, перекидывая швы кладки плащ-палатками и тряпками, которых много оставалось, после того как гражданское население, выполняя приказ командования, вышло наружу...»

А в это время на Тамани морские пехотинцы ежедневно наблюдали непонятное облако желтого цвета в районе Аджимушкская...

Второй бедой после газов была жажда. «Все колодцы находились вне катакомб, под контролем гитлеровцев. Один из них, с солоноватой водой, – “солёный” – немцы забросали железом, обломками грузовика. А второй, с родниковой водой, – “сладкий” – держали под постоянным обстрелом.

Битва за воду шла ночами. Очередная группа защитников каменоломен внезапным ударом отбрасывала фашистов от колодца и занимала круговую оборону. В эти короткие минуты мгновенно выстраивалась цепочка бойцов, и ведра с драгоценной водой, переходя из рук в руки, одно за другим исчезали во тьме подземелья. Но немного времени было в распоряжении бойцов. Опомнившись, гитлеровцы кидались в контратаку...»

Но через полтора месяца с начала обороны аджимушкцам удалось на глубине около 15 метров достичь водоносного слоя.

Третьей бедой у подземного гарнизона считался голод. Последняя продовольственная норма в сутки на человека составляла: хлеба – 200 граммов, 10 граммов жира, 15 граммов консервов, 100 граммов сахара. Позже урезали и ее. Но безвыходных ситуаций не было. В борьбе с голодом аджимушкцев выручали ночные вылазки. Группы из-под земли подавляли огневые точки врага, рвали проволочные заграждения со стороны села, отгоняли фашистов и до утра разыскивали продукты.

Через четыре месяца выходы на поверхность практически прекратились.

«В эти дни, – вспоминал участник обороны, – мы походили на обтянутые кожей скелеты, передвигались медленно, через каждые три-четыре шага присаживались отдыхать, легче было переползать. Но с этим мирились... Страшнее было то, что почти не осталось сил выполнять самое необходимое – невероятных усилий требовалось перезарядить винтовку, нажать на спусковой крючок, а после выстрела и отдачи в плечо теряли сознание... Живыми оставались те, кто был молод и здоров, раненые, как правило, умирали, держался тот, кто мог есть все... Кожу ремней и портупей все съели...»

На пятый месяц в катакомбах осталось в живых не более 70 человек.

Другой участник обороны свидетельствовал: «В конце сентября заложили более двадцати однотонных бомб по всей территории, соединили их вместе и одновременно взорвали. Взрывы были очень сильные, во многих местах образовались обвалы, во многих местах стало светло...» А в конце октября 1942 г. немцы подтянули к каменоломням воинские части, которым помогали несколько автомобилей с динамо-машинами и прожекторами, начали операцию. Но оставшиеся в живых уходили вглубь, отстреливаясь. Чтобы окружить и схватить последних 6 человек, немцам понадобилось двое суток. Среди них было два комиссара (Парахин и Хра-

мов) и подполковник Бурмин. Полковник Ягунов погиб раньше от взрыва неизвестной прежде гранаты.

Сегодня можно услышать из уст обывателя и такие слова: «А зачем они там сидели! Какой толк был в этом?»

Но как можно сытому понять голодного. Ведь кроме массового героизма и самопожертвования, кроме преодоления нечеловеческих условий, участники обороны Аджимушкая представляли собой подземную часть Красной Армии, которая очень долго заставляла фашистов бояться! А, кроме того, в эти летние месяцы 42-го немцы не смогли высадиться на Тамань, имея у себя в тылу непобедимый подземный гарнизон.

* * *

Великая Отечественная война начиналась с катастрофического поражения фронтов, с громадных потерь в людях и технике. Цифры потерь впечатляют своими масштабами. За три недели войны перестали существовать около 30 дивизий, около 70 дивизий потеряли более половины личного состава. За три недели было уничтожено около трех с половиной тысяч самолетов на земле и в воздухе, более половины складов горючего и боеприпасов. Тем не менее мощь удара вермахта была значительно ослаблена именно в первые дни, в первые недели... Немцам не удалось самое главное: уничтожить основные силы Красной Армии. Советские бойцы и командиры сражались до последней капли, до последнего патрона...

Об этом очень красочно говорят воспоминания генерал-полковника танковых войск Гейнца Гудериана и фельдмаршала Эриха фон Манштейна. «В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты» (Гудериан).

«Уже в этот первый день нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с Советской стороны. Один из наших разведывательных дозоров, отрезанных врагом, был потом найден нашими войсками, он был вырезан и зверски искалечен... Позже часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат» (Манштейн).

А массовый героизм Бреста, Аджимушкайских каменоломен? А оборона Смоленска, Ленинграда, Севастополя, Вязьмы, Сталинграда? Разве мало действительно ярких примеров самопожертвования защитников своей Родины, своего Отечества?

Однако нет же! Для некоторых наших сограждан даже и такие упрямые факты звучат неубедительно. Например, некий господин В. Белоцерковский в «Новой газете» упрямо заявляет: «У огромной массы населения Советского Союза не было желания воевать за режим, принесший им столько страданий». Не менее ярким доказательством он называет «создание летом 1941 г. заградительных отрядов, которые должны были стрелять в отступавших солдат».

Но извините, как можно обыкновенную человеческую трусость объявить «нежеланием воевать за режим?»

О трусости и панике 41-го в своих мемуарах достаточно подробно написали маршал К.К. Рокоссовский и генерал А.В. Горбатов.

«И вот мы стали замечать, как то в одном, то в другом месте, в гуще хлебов, появлялись в одиночку, а иногда и группами странно одетые люди, которые при виде нас быстро скрывались. Одни из них были в белье, другие – в нательных рубашках и брюках военного образца или в сильно поношенной крестьянской одежде и рваных соломенных шляпах. Эти люди, естественно, не могли не вызвать подозрения, а потому, приостановив движение штаба, я приказал выловить скрывавшихся и разузнать, кто они. Оказалось, что это были первые так называемые выходцы из окружения, принадлежавшие к различным воинским частям. Среди выловленных, а их набралось порядочное количество, обнаружилось два красноармейца из взвода, посланного для оборудования нашего КП.

Из их рассказа выяснилось, что взвод, следуя к указанному месту, наскочил на группу немецких танкистов, мотоциклистов и пехоты на машинах, был внезапно атакован и окружен. Нескольким бойцам удалось бежать, а остальные якобы погибли. Другие опрошенные пытались всячески доказать, что их части разбиты и погибли, а они чудом спаслись и, предполагая, что оказались в глубоком тылу врага, решили, боясь плена, переодеться и пытаться прорваться к своим войскам. Ну а их маскарад объясняется просто. Те, кто сумел обменять у местного населения обмундирование на штатскую одежду, облачились в нее, кому это не удалось, остались в одном нательном белье. Страх одолел здравый смысл, так как примитивная хитрость не спасала от плена, ведь белье имело на себе воинские метки, а враг был не настолько наивен, чтобы не заметить их.

Впоследствии мы видели трупы расстрелянных именно в таком виде – в белье.

Воспевая героическое поведение и подвиги войск, частей и отдельных лиц в боях с врагом, носившие массовый характер, нельзя обойти молчанием и имевшиеся случаи паники, позорного бегства, дезертирства с поля боя и в пути следования к фронту, членовредительство и даже самоубийств на почве боязни ответственности за свое поведение в бою.

Нанесенный врагом неожиданный удар огромными силами и его стремительное продвижение в глубь территории на некоторое время ошеломили наши неподготовленные к этому войска. Они подверглись шоку. Чтобы вывести их из этого состояния, потребовалось длительное время. Растерянности способствовали еще причины военного и политического характера, относившиеся ко времени, отдаленному от начала войны. Совокупность важных причин и обстоятельств в определенной степени понизила боеспособность войск в моральном отношении, на какой-то период ослабила их устойчивость и упорство, вывела из равновесия особенно те части, которые вступали в бой неорганизованно. А иные неустойчивые элементы совершенно потеряли веру в свои силы, в возможность сопротивления грозному врагу.

Наблюдались случаи, когда даже целые части, попавшие под внезапный фланговый удар небольшой группы вражеских танков и авиации, подвергались панике...

Боязнь окружения и страх перед воображаемыми парашютными десантами противника в течение длительного времени были настоящим бичом. И только там, где были крепкие кадры командного и политического состава, люди в любой обстановке дрались уверенно, оказывая врагу организованный отпор.

Нужно сказать и о том, что местная печать (областная, республиканская) и даже в некоторой степени центральная, сообщая о диверсантах, переодетых в форму милиционеров, пограничников, сотрудников НКВД, командиров и т. п., якобы наводнивших страну, и призывая к бдительности, одновременно способствовала распространению ложных слухов и панике. Этим стали пользоваться малодушные люди в войсках.

Как пример приведу случай, имевший место на участке, занимаемом корпусом. На КП корпуса днем был доставлен генерал без оружия, в растерзанном кителе, измученный и выбившийся из сил, который рассказал что, следуя по заданию штаба фронта в штаб 5-й армии для выяснения обстановки, увидел западнее Ровно стремглав мчавшиеся на восток одна за другой автомашины с нашими бойцами. Словом, генерал уловил панику и, чтобы узнать причину,

породившую ее, решил задержать одну из машин. В конце концов это ему удалось. В машине оказалось до 20 человек. Вместо ответов на вопросы, куда они бегут и какой они части, генерала втащили в кузов и хором стали допрашивать. Затем, недолго думая, объявили переодетым диверсантом, отобрали документы и оружие и тут же вынесли смертный приговор. Изловчившись, генерал выпрыгнул на ходу, скатился с дороги в густую рожь. Лесом добрался до нашего КП.

Случаи обстрела лиц, пытавшихся задержать паникеров, имели место и на других участках. Бегущие с фронта поступали так, видимо, из боязни, чтобы их не вернули обратно. Сами же они объясняли свое поведение различными причинами: их части погибли и они остались одни; вырвавшись из окружения, были атакованы высадившимся в тылу парашютистами; не доезжая до части, были обстреляны в лесу “кукушками” и тому подобное» (Рокоссовский).

«В тот период войны, особенно в первый месяц, часто можно было слышать: “Нас обошли”, “Мы окружены”, “В нашем тылу выброшены парашютисты” и т. п. Не только солдаты, но и необстрелянные командиры были излишне восприимчивы к таким фактам, обычным в ходе современной войны; многие были склонны верить преувеличенным, а зачастую просто нелепым слухам.

Однажды утром я услышал далекую канонаду в стороне Витебска, обратил на нее внимание командира корпуса и получил разрешение поехать для выяснения обстановки. На шоссе я встретил небольшие группы солдат, устало бредущих на восток. Получая на вопросы: “Куда? Почему?” – лишь сбивчивые ответы, я приказывал им вернуться назад, а сам ехал дальше. Все больше видел я военных, идущих на восток, все чаще останавливался, стыдил, приказывал вернуться. Предчувствуя что-то очень нехорошее, я торопился добраться до командира полка: мне надоело останавливать и спрашивать солдат – хотелось поскорее узнать, что здесь случилось. Не доехав километра три до переднего края обороны, я увидел общий беспорядочный отход по шоссе трехтысячного полка.

В гуще солдат шли растерянные командиры различных рангов. На поле изредка рвались снаряды противника, не причиняя вреда. Сойдя с машины, я громко закричал: “Стой, стой, стой!” – и после того как все остановились, скомандовал: “Всем повернуться кругом”.

Повернув людей лицом к противнику, я подал команду: “Ложись!” После этого приказал командирам подойти ко мне. Стал выяснять причину отхода. Одни отвечали, что получили команду, переданную по цепи, другие отвечали: “Видим, что все отходят, начали отходить и мы”. Из группы лежащих недалеко солдат раздался голос: “Смотрите, какой огонь открыли немцы, а наша артиллерия молчит”. Другие поддержали это замечание.

Мне стало ясно, что первой причиной отхода явилось воздействие артогня на необстрелянных бойцов, второй причиной – провокационная передача не отданного старшим начальником приказа на отход. Главной же причиной была слабость командиров, которые не сумели остановить панику и сами подчинились стихии отхода» (Горбатов).

«А накануне в районе той же Клевании мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спорили знаки различия.

В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по-своему и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому “окруженцу”, велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово “полковник” он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал

на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло. Полковнику было поручено к утру собрать всех ему подобных, сформировать из них команду и доложить лично мне утром 26. Приказание было выполнено.

В собранной команде оказалось свыше 500 человек. Все они были использованы для пополнения убыли в моторизованных частях корпуса» (Рокоссовский).

Но кто-то должен был останавливать трусов, паникеров и дезертиров. Ведь одним командирам это было не всегда под силу. Все подобные факты, приобретающие в начальный период войны нередко массовый характер, послужили вполне серьезным основанием для выхода в свет директивы, адресованной начальникам 3-х отделов военных округов, фронтов, армий, корпусов, начальникам 3-х отделений дивизий. В которой говорилось об организации «подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах, железнодорожных узлах, для прочистки лесов и т. д., выделяемых командованием с включением в их состав оперативных работников органов Третьего управления с задачами: а) задержания дезертиров; б) задержания всего подозрительного элемента, проникшего на линию фронта; в) предварительного расследования, производимого оперативными работниками органов Третьего управления НКО (1–2 дня) с последующей передачей материала вместе с задержанными по подсудности» (№ 35523 от 27 июня 1941 г.).

В следующем месяце, после объединения НКВД и НКГБ, когда органы Третьего управления НКО были преобразованы в особые отделы и снова подчинены НКВД (как до февраля 1941 г.), нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия, разъясняя задачи особых отделов, подчеркнул: «Смысл преобразования органов Третьего управления в особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами. Беспощадная расправа с паникерами, трусами, дезертирами, подрывающими мощь и порочащими честь Красной Армии, так же важна, как и борьба со шпионажем и диверсией».

Уже 19 июля 1941 г. при особых отделах дивизий и корпусов были сформированы отдельные стрелковые взводы, при особых отделах армий – отдельные стрелковые роты, при особых отделах фронтов – отдельные стрелковые батальоны, укомплектованные личным составом войск НКВД.

Как правило, эти подразделения и части использовались особыми отделами в организации службы заграждения. А именно в выставлении засад, постов и дозоров, на войсковых дорогах, путях движения беженцев, а также других коммуникациях с целью предотвращения какого бы то ни было просачивания военнослужащих, самовольно оставивших боевые позиции. Кроме того, они должны были тщательно проверять каждого задержанного командира и красноармейца с целью выявления дезертиров, трусов и паникеров, бежавших с поля боя. Установленные дезертиры подвергались аресту и находились под следствием в течение 12-часового срока до предания их суду военного трибунала. Отставшие же от части бойцы и командиры под командой проверенных командиров направлялись в штаб соответствующей дивизии.

В исключительных случаях, с целью немедленного восстановления порядка на фронте, начальник Особого отдела имел полное право расстрела дезертиров на месте.

В конце месяца начальник Управления ОО НКВД СССР В.С. Абакумов потребовал укрепить заградительные отряды кадрами опытных оперативных работников, на которых бы возлагался опрос всех без исключения задержанных.

Все лица, вышедшие из окружения, бежавшие из плена, задержанные заградотрядами или выявленные агентурным путем, подлежали немедленному аресту и тщательному допросу об обстоятельствах пленения, побега или освобождения из плена.

16 августа 1941 г. Ставка ВГК издает Приказ № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». В нем четко и ясно говорилось:

«Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава».

Сегодня в мирное и достаточно сытое время некоторые историки, публицисты и демагоги осуждают все эти, на их взгляд, «бесчеловечные меры». Однако тогда летом сорок первого, в дни великой катастрофы, как никогда стоял вопрос о жизни или смерти нашего Отечества от фашистской чумы. И все рассуждения, нытье, трусость и страх необходимо было преодолеть в максимально сжатые строки.

Даже генерал Д.А. Волкогонов в своей книге «Семь вождей» не смог не признать: «Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей “упереться”, призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертельной кары».

Уже в сентябре 1941 г. заградительные отряды постепенно создаются и в составе стрелковых дивизий фронтов. Численностью не более батальона, они должны были оказывать прямую помощь командному составу в установлении или поддержании твердой дисциплины в соединении, останавливать бегство паникеров и ликвидировать инициаторов паники и бегства.

Заградительные отряды также формировали особые отделы и территориальные органы НКВД.

Таким образом, к концу 1941 г. на всех фронтах действующей армии использовались заградительные отряды различной ведомственной принадлежности, а также численности: армейские, особых отделов и территориальных органов НКВД, численностью от групп в несколько человек до состава батальонов. Но всех их объединяли одни общие задачи:

наведение жестокого порядка на тыловых участках фронта, сосредоточение и проверка всех военнослужащих, задержанных без документов, установление и поддержание твердой дисциплины, остановка бегства паникеров и трусов и ликвидация инициаторов паники и бегства.

Например, с 22 июня по 10 октября 1941 г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами НКВД по охране тыла было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных Особыми отделами:

шпионов – 1505,

диверсантов – 308,

изменников – 2621,

трусов и паникеров – 2643,

дезертиров – 8772,

распространителей провокационных слухов – 3987,

самострельщиков – 1671,

других – 4371. Всего – 25 878.

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем – 3321 человек.

Один только заградотряд ОО НКВД Балтийского флота с 22 июня по 22 ноября 1941 г. задержал свыше 900 человек. Арестованы и осуждены были 77 человек, из них 11 были расстреляны на месте или перед строем.

Часть задержанных была освобождена за отсутствием состава преступления. Лица же, подозреваемые в дезертирстве из общевойсковых частей, направлены для дальнейшего расследования в другие особые органы.

Заградотрядами Особого отдела НКВД 50-й армии с 15 по 31 октября 1941 г. задержано 2681 человек, из них арестовано 239 человек. В числе арестованных преобладающее большинство, дезертиры. В то же время задержано и изобличено 5 шпионов. По постановлению Особых отделов НКВД расстреляно 38 дезертиров.

28 июля 1942 г. в разгар оборонительных боев был подписан и отправлен в войска Приказ № 227. В отличие от Приказа № 270, этот был более жестким. Но жестокости или жесткости требовала сама обстановка, сложившаяся к этому времени.

В этом документе абсолютно все без сантиментов:

«1. Военным Советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно, ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно, снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта; (...)

2. Военным Советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно, снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной...»

Именно после этого приказа новые заградительные отряды получили статус отдельных воинских частей, подчиненных командованию армии через особые отделы НКВД.

Те же заградительные формирования войск НКВД, которые раньше находились за боевыми порядками частей на линии фронта, теперь уже окончательно были перенацелены на охрану войскового тыла (на 10–15 км – 1-я линия и на 20–25—2-я линия).

На 15 октября 1942 г. в частях действующих в Красной Армии было сформировано 193 заградительных отряда.

С начала формирования (с 1 августа по 15 октября) этими отрядами было задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта.

Из числа задержанных было арестовано 3980 человек, расстреляно 1189 человек, штрафные батальоны 185 человек, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человека.

Следует отметить, что заградительные отряды в период ожесточенных боев с противником сыграли свою положительную роль в деле наведения порядка в частях и предупреждения неорганизованного отхода с занимаемых ими рубежей, возвращения значительного числа военнослужащих на передовую. Кроме того, в критические моменты, когда требовалась поддержка для удержания занимаемых рубежей, эти отряды вступали непосредственно в бой с противником, успешно сдерживали его натиск и наносили ему потери. Например, 13 сентября 1942 г. «112-я стр. дивизия под давлением противника отошла с занимаемого рубежа. Заградотряд 62-й армии под руководством начальника отряда (лейтенанта госбезопасности Хлыстова) занял оборону на подступах к важной высоте. В течение 4-х суток бойцы и командиры

отряда отражали атаки автоматчиков противника и нанесли им большие потери. Заградотряд удерживал рубеж до подхода воинских частей».

15—16 сентября 1942 г. «заградотряд 62-й армии в течение 2-х суток успешно вел бой с превосходящими силами противника в районе ж.д. вокзала г. Сталинграда. Несмотря на свою малочисленность, заградотряд не только отбивал атаки противника, но и нападал на него, причинив ему значительные потери в живой силе. Свой рубеж отряд оставил только тогда, когда на смену подошли части 10-й стр. дивизии».

И вот еще: «Заградительный отряд 29-й армии Западного фронта, будучи в оперативном подчинении у командира 246 стр. дивизии, использовался как строевая часть.

Принимая участие в одной из атак, отряд из 118 человек личного состава потерял убитыми и ранеными 109 человек, в связи с чем заново сформировался».

По мнению ветеранов-окопников, страшнее начавшейся паники на фронте не могло быть ничего. Всего лишь из-за нескольких трусов, драпающих слева и справа в тыл, могла мгновенно начаться цепная реакция панического отступления. А если в этот момент трусов некому было остановить? Вот тогда-то, прежде всего пальбой в воздух, неуправляемую толпу останавливал заградительный отряд.

Есть такая русская поговорка: «У страха глаза велики!» Так вот и на фронте Великой Отечественной она была весьма актуальной, когда одна трагедия приводила к другой.

Например, только с 12 по 17 июля 1943 г. заградотрядами 69-й армии (7 заградотрядов по 7 человек в каждом, во главе которых были поставлены по 2 оперативных работника) было задержано 6956 человек рядового и командно-начальствующего состава, оставивших поле боя или вышедших из окружения войск противника.

Правда, начиная с 15 июля число задержанных военнослужащих, по сравнению с первыми днями работы заградотрядов резко сократилось. Если за 12 июля было задержано 2842 человека, а 13 июля – 1841 человек, то за 16 июля было задержано 394 человека, а уже за 17 июля – всего 167 человек.

К началу 1944 г. заградотряды очень часто использовались по охране штабов армий, охране линий связи, дорог, прочесыванию лесов. То есть после разгрома немцев под Сталинградом и победой на Курской дуге, когда стратегическая инициатива перешла к Красной Армии, заградотряды перестали выполнять свои прямые задачи. А в конце октября этого года Приказом наркома обороны № 0349 они были расформированы, а личный состав отрядов пополнил ряды стрелковых дивизий.

Для более полного понимания изложенного выше давайте ознакомимся с отрывком из письма командира 141-й стрелковой дивизии полковника Тетушкина секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову (от 10 июля 1942 г.). «Какую же картину отхода армий Ю-З. и Брянского фронтов я наблюдал? Ни одной организованно отступающей части я не видел на фронте от Воронежа на юг до г. Коротояк. Это были отдельные группки бойцов всех родов оружия, следовавшие, как правило, без оружия, часто даже без обуви, имея при себе вещевые мешки и котелок. Попутно они (не все, конечно) отбирали продовольствие у наших тыловых армейских учреждений и автомашины. Кто идет с винтовкой, то она обычно ржавая (производства 1942 г.). Картина мне эта знакома по прошлому году.

Получается такое впечатление как только немец захочет прорвать где-либо фронт, ему это в большинстве случаев удается.

В чем дело? Чем же это можно объяснить?

Если личный состав танкистов, летчиков, артиллеристов у нас не плохой, они дерутся с достаточной стойкостью, то это нельзя сказать про пехоту. Ей стойкости не хватает. Она у нас плохо обучена, беспрекословного повиновения младшего старшему у нас еще нет. Особенно это отражается в звене младший командир – боец, то есть в том звене, где начальник голосом воздействует на подчиненного в бою.

У нас не хватает жесткой дисциплины, чтобы наверняка обеспечить успех в бою, чтоб никто не смел бросить свое место в окопе в любой обстановке. Умри, а держись. Все это должно быть обеспечено соответствующим законом, отраженным в уставах. Все, что мы имеем сейчас (уставы, положения) – этого не достигают. Противник в отношении дисциплины много сильнее нас. Если бойцы на походе или вообще вне боя бросают противогаз, лопатку, шлем, оружие, даже пулеметы, лошадей и так далее (я знал до ранения на Западном фронте ряд дивизий, где все бойцы побросали лопатки, шлемы, лыжи, противогазы), то возникает вопрос: есть ли тут дисциплина? Я наблюдал немецких пленных, которых гнали десятки километров до штабов, и у них все было цело до последнего личного номерка и у всех обязательно вычищены сапоги и лица побриты. Дисциплина, как и везде, особенно необходима в бою, тут она решает дело. Причем, если даже нет командира при бойце, он должен упорно защищаться или двигаться вперед на противника так же, как и с командиром...»

26 октября 1942 г. командующий фронтом генерал-лейтенант Рокоссовский в штабе 66-й армии заявил: «...Прибывшие новые дивизии к бою совершенно не подготовлены. Сегодня буду докладывать тов. Сталину, просить его, чтобы личный состав вновь формируемых дивизий хотя бы месяц проходил боевую подготовку...»

И еще: «Командующий фронтом Рокоссовский, под впечатлением того, что причиной неудач являются плохие действия бойцов-пехотинцев, пытался для воздействия на пехоту использовать заградотряды.

Рокоссовский настаивал на том, чтобы заградотряды шли следом за пехотными частями и силой оружия заставляли бойцов подниматься в атаку».

А что можно было предложить еще? Хотя, впрочем, все равно виноватым был бы Сталин!

2. Пехотинцы-окопники (Навстречу смерти)

С чего начать эту главу, с каких слов? Я долго думал над этим не простым для меня вопросом. И чтобы емко, и чтобы до сердца дотянулись, чтобы прожгли его. И чтобы правдиво, совсем близко к истине. Ведь это не просто важно. Это важно принципиально. Потому как «окопная правда» – это прежде всего правда окопников из пехоты. Для них война была самой жуткой, самой реальной во всей своей красе, самой кровавой и самой короткой.

И только когда я прочитал рукопись «Ванька ротный» ветерана войны А.И. Шумилина, я понял, что нашел именно то, что искал. Без этих слов, возможно, у меня ничего бы не получилось. Ведь я там не был! Судите сами:

«В те суровые дни войны вся тяжесть в боях по освобождению земли нашей легла на пехоту, на плечи простых солдат. Получая пополнение в людях, мы вели непрерывные бои, не зная ни сна, ни отдыха.

Захлебываясь кровью и устилая трупами солдат эту прекрасную землю, мы цеплялись за каждый бугор, за каждый куст, за опушки леса, за каждую деревушку, за каждый обгорелый дом и разбитый сарай.

Многие тысячи и тысячи наших солдат навечно остались на тех безымянных рубежах. (...)

Многие о войне судят по кино. Один мой знакомый, например, утверждает, что когда бой идет в лесу, то горят деревья.

– Это почему? – спросил я его.

– А разве ты в кино не видел?

По кино о войне судят только дети. Им непонятна боль солдатской души, им подадут стрельбу, рукопашную с кувырканиями и пылающие огнем деревья, перед съемкой облитые бензином. Художественное произведение, поставленное в кино, или так называемая “хроника событий” – собирательный образ боев, сражений и эпизодов, отдаленно напоминающий войну.

Должен вас разочаровать: от кино до реальной действительности на войне очень далеко. То, что творилось впереди, во время наступления стрелковых рот, до кино не дошло. Пехота унесла с собой в могилу те страшные дни. (...)

Война – это живая, человеческая поступь – навстречу врагу, навстречу смерти, навстречу вечности. Это человеческая кровь на снегу, пока она яркая и пока еще льется. Это брошенные до весны солдатские трупы. Это шаги во весь рост с открытыми глазами – навстречу смерти. Это ключья шершавой солдатской крови и кишок, висящие на сучках и ветках деревьев. Это розовая пена в дыре около ключицы – у солдата оторвана нижняя челюсть и гортань. Это кирзовый сапог, наполненный розовым месивом. Это кровавые брызги в лицо от разорванного снарядом солдата. Это сотни и тысячи других кровавых картин на пути, по которому прошли за нами прифронтовые “фронтовики” и “окопники” батальонных, полковых и дивизионных служб. Но война – это не только кровавое месиво. Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходила вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия пребывания в живом состоянии на передовой, под градом осколков и пуль. Это беспардонная матерщина, оскорбления и угрозы со стороны штабных “фронтовиков” и “окопников” (батальонного, полкового и дивизионного начальства).

Война – это как раз то, о чем не говорят, потому что не знают. Из стрелковых рот, с передовой, вернулись одиночки, их никто не знает... (...)

Это были нечеловеческие испытания. Кровавые, снежные поля были усеяны телами убитых, куски разбросанного человеческого мяса, алые обрывки шинелей, отчаянные крики и

стоны солдат. Все это надо пережить, услышать и самому увидеть, чтобы во всех подробностях представить эти кошмарные картины. (...)

С какой безысходной тоской о жизни, с каким человеческим страданием и умоляющим взором о помощи умирали эти люди. Они погибали не по неряшливости и не в тишине глубокого тыла... (...)

Они – фронтовики и окопники стрелковых рот, перед смертью жестоко мерзли, леденели и застывали в снежных полях на ветру. Они шли на смерть с открытыми глазами, зная об этом, ожидая смерть каждую секунду, каждое мгновение, и эти маленькие отрезки времени тянулись, как долгие часы (...)

Без “Ваньки ротного” солдаты вперед не пойдут. Я был “Ванькой ротным” и шел вместе с ними. Смерть не щадила никого. Одни умирали мгновенно, другие – в муках истекали кровью. Только некоторым из сотен и тысяч бойцов случай оставил жизнь. В живых остались редкие одиночки, я имею в виду окопников из пехоты. Судьба им даровала жизнь как высшую награду. (...)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.